

Олег Геннадьевич Казак

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии,
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь. 20056, пр. Партизанский, 26.
E-mail: olegkazak90@tut.by

Национально-культурные движения восточнославянского населения Подкарпатской Руси в контексте политики Венгрии (1938–1944)

Статья представляет комплексное исследование национально-культурного развития восточнославянского населения Подкарпатской Руси, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины», в 1938–1944 гг.: раскрыта природа эволюции традиционных для Подкарпатской Руси национально-культурных движений (русофилов, украинофилов, русинофилов); выявлены существенные характеристики официального национального курса в Подкарпатской Руси, направленного на гражданскую ассимиляцию и постепенную мадьяризацию русинского населения края; показаны сущность этнокультурной политики венгерских властей в регионе и основные механизмы ее реализации. Делается вывод о том, что усилия венгерских властей в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. были направлены на укоренение в среде восточнославянского населения локальной русинской идентичности с целью недопущения его сближения с русофильским и украинофильским национально-культурными движениями. Определена степень влияния венгерских властей на социокультурный ландшафт Подкарпатской Руси, которое заключалось в сочетании массовой пропаганды свободного культурного развития русинов с целенаправленными действиями по их этнической ассимиляции, в регулировании политической жизни Подкарпатской Руси в выгодном для Будапешта ключе (пресечение деятельности приверженцев независимого украинского государства, отказ от обещанного создания Подкарпатской (Русинской) партии и предоставления автономии Подкарпатской Руси, инициирование конфликта между крупнейшими русофильскими политическими деятелями). Основу источниковой базы доклада составили документы Венгерского национального архива, Государственного архива Закарпатской области, Национального архива Чешской Республики, Государственного архива Российской Федерации, материалы прессы. Введенные в научный оборот источники из архивов различных стран и сделанные на их основе выводы позволяют глубже понять природу незавершенных национальных процессов у русинов Карпатского региона.

Ключевые слова: русины, этнокультурная инженерия, идентичность, русофилы, украинофилы, русинофилы, регентский комиссар

Цитирование: *Казак О.Г.* Национально-культурные движения восточнославянского населения Подкарпатской Руси в контексте политики Венгрии (1938–1944) // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 301–327. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.12.

С распадом СССР в Восточной и Центральной Европе получили развитие альтернативные этнические идентичности. Одной из наиболее ярких иллюстраций данного феномена следует считать русинское движение в суверенной Украине, активисты которого опровергают тезис официального Киева о русинах (жителях Закарпатской области Украины) как этнографической группе украинцев и считают их четвертым восточнославянским этносом.

В языковом и культурном плане русины являют собой крайнюю западную часть восточнославянского этнического массива. Историческая родина карпатских русинов — территория Лемковины и бывшей Угорской Руси (нынешние районы юго-восточной Польши, северо-восточной Словакии и Закарпатская область Украины), охватывающая 18 тыс. км² от реки Попрад на западе до реки Тиса на востоке. Кроме этих регионов русины компактно проживают в северной Румынии (область Марамуреш), в Силезии и некоторых областях Северной Польши, в сербской Воеводине и хорватской Славонии, в северо-восточной Венгрии. В связи с массовой миграцией русинов в Северную Америку в конце XIX — начале XX в. там сложилась многочисленная русинская диаспора.

К середине XIII в. территория проживания карпатских русинов практически полностью вошла в состав Венгерского королевства, затем — империи Габсбургов. В XVI — начале XVIII в. населенные русинами районы стали ареной противоборства монархии Габсбургов, трансильванских князей и их сюзерена — Османской империи. Данные события имели катастрофические последствия для хозяйственной жизни края. Революционный подъем 1848–1849 гг. коснулся и немногочисленной русинской интеллигенции во главе с «русинскими будителями» Александром Духновичем (1803–1865) и Адольфом Добрянским (1817–1901). Большую ее часть вскоре затронул процесс добровольной мадьяризации; отдельные представители интеллектуальной элиты края — Евгений Фенцик

(1844–1903), Анатолий Кралицкий (1835–1894), Александр Митрак (1837–1913) и др., — оставаясь верными заветам «русинских будителей», своим творчеством пропагандировали идеи славянской взаимности.

После окончания Первой мировой войны и краха Австро-Венгерской монархии территория Подкарпатской Руси (сегодня — Закарпатская область Украины), согласно Сен-Жерменскому (1919 г.) и Трианонскому (1920 г.) мирным договорам, вошла в состав Чехословацкой Республики. Интеллигенция региона в межвоенное время получила довольно широкие возможности для свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике. В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны были приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, представители которого считали русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев¹.

Начиная с чехословацкого этапа истории Подкарпатской Руси русинский вопрос активно использовался государствами Центральной Европы во внешнеполитических целях. Так, Прага хотя и предоставляла относительную свободу различным национально-культурным направлениям, однако большую поддержку (особенно в 1920-е годы) оказывала представителям украинофильского лагеря. Украинофилы были предпочтительнее для чехословацких властей в качестве противовеса венгерскому ирредентизму (дело в том, что многие местные русофилы ориентировались на Венгрию). Прага, вмешиваясь в национально-культурный ландшафт Подкарпатской Руси, готовила почву для возможной дестабилизации ситуации в соседней Польше, отношения с которой у Чехословакии оставались напряженными. Для Польши украинская проблема являлась одним

---

¹ Шевченко 2011: 269–270.

из наиболее болезненных факторов внутренней политики. После поэтапного включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) новые власти сделали ставку на представителей русинофильского национально-культурного движения. Относительный демократизм, в условиях которого действовали представители региональной интеллигенции различных ориентаций в межвоенный период, остался в прошлом.

Исследование политики венгерских властей в отношении восточнославянского населения Подкарпатской Руси представляет интерес как актуальный пример процесса этнокультурной инженерии, который в условиях политической нестабильности в современной Украине может быть реанимирован заинтересованными сторонами. В частности, в условиях сложной экономической ситуации на Украине Будапешт может предлагать привлекательные для населения Закарпатской области модели поведения, основанные на более тесной интеграции в социальное пространство Венгрии. В этом случае исследование процессов, происходивших в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг., приобретает особую важность, так как многие образцы идеологической обработки населения тех лет могут быть использованы в будущем.

Цель статьи — выявление специфики различных национально-культурных движений восточнославянского населения Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. и их взаимовлияния в контексте политики венгерских властей в регионе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть роль, которая отводилась представителям русинофильского направления в планах венгерских властей по конструированию выгодной для себя модели этнокультурной идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси; определить стратегии поведения представителей различных течений русофильского лагеря для адаптации к культурной и общественно-политической обстановке в Подкарпатской Руси; выделить факторы, обусловившие маргинализацию украинофильского национально-культурного движения.

Предметом исследования является политика венгерских властей в отношении коренного восточнославянского населения Подкарпатской Руси и реакция на нее представителей различных этнокультурных течений в среде интеллигенции региона. Особое внимание в работе уделено институциональной составляющей

национально-культурных движений (политические партии, культурно-просветительские объединения), которая играла ключевую роль в определении их места в общественно-политическом ландшафте Венгрии 1938–1944 гг.

Создание особых условий для русинофильского национально-культурного движения

Венгерские власти через аппарат пропаганды поддерживали представления о русинах как об отдельном славянском народе, которому чужды русофильские или украинофильские настроения. Идеологи данного курса утверждали, что свободное развитие самобытной русинской культуры возможно лишь в рамках венгерского государства. Обоснование поддержки венгерским государством идеи самостоятельности русинского народа в апреле 1939 г. представил директор венгерской службы радиовещания, будущий регентский комиссар Подкарпатской территории (руководитель венгерской администрации в Подкарпатской Руси²) Миклош Козма (1884–1941). В интервью иностранным журналистам он отметил, что Венгрии парадоксальным образом было выгодно существование СССР: если «Россия станет национальной», она начнет «великославянскую игру», заключающуюся в экспансии «через земли южных и западных славян на неславянские страны — Румынию и Венгрию». В такой ситуации, на взгляд М. Козмы, «украинская и русская тенденции» являлись одинаково опасными для Венгрии. Оптимальным виделось существование народа с локальным русинским самосознанием, который «хотя и находился бы на низком уровне в культурном и цивилизационном плане», но «благодаря религии и истории ориентировался бы на Запад», «противопоставлялся бы Великой России». М. Козма считал, что русины и поляки «выступают против православия, против русских и украинцев» и являются единственным славянским народом, который «не поддерживает великославянскую идею России». При этом глава венгерской радиовещательной

---

² Венгерские власти, несмотря на многочисленные обещания, так и не предоставили автономии Подкарпатской Руси. Вместе с тем территории со славянским большинством не были включены в административную систему комитатов, их объединили в специальное административное образование с центром в Унгваре — Регентский комиссариат Подкарпатской территории.

службы отметил, что большинству русинского населения не стоило опасаться мадьяризации:

Венгерский язык не несет опасности языку, на котором разговаривают русины. Словацкий, чешский, украинский языки несут угрозу русинскому языку, а венгерский — нет, потому что между венгерским и русинским языками нет никакого сходства³.

Впрочем, М. Козма считал, что русинская интеллигенция должна стремиться освоить венгерский язык, чтобы иметь больше возможностей для самореализации в рамках всего государства.

Рупором пропаганды концепции идеи отдельного русинского народа стали русинскоязычные официальные издания «Новая неделя» (1939 г.) и «Карпатская неделя» (1939–1941 г., позже выходило под названием «Неделя»). Материалы с обоснованием самобытности русинского этноса публиковали известные ученые и публицисты, общественные и церковные деятели (Антал Годинка (1864–1946), Шандор Бонкало (1880–1959), Александр Ильницкий (1889–1947), Иван Гарайда (1905–1944), Гиадор Стрипский (1875–1946), Ириной Кондратович (1881–1957) и др.). Так, И. Кондратович утверждал, что русины представляли собой отдельную народность, близкую к западным славянам и венграм. Публицист говорил о русинах как о вернейших братьях венгров, которые, однако, не отказались от своих традиций. Вхождение региона в состав Венгрии И. Кондратович считал величайшим событием, благодаря которому «венгерская святостефанская идея объединится с русинским народным чувством»⁴.

Для изучения истории и культуры русинов была создана крупнейшая в регионе институция академического толка — Подкарпатское общество наук (ПОН). На торжественном открытии общества его идейный вдохновитель, регентский комиссар Подкарпатской территории М. Козма заявил: «Народ Подкарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Политик отметил, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом

³ [Kozma N.] Vortrag über die russinische Frage des Geheimen Rates und Präsidenten des Magyar Távirati Iroda Nikolaus von Kozma im Verein des Ausländischen Berufskorrespondenten am 23. Mai 1939. Budapest: [s. n.], 1939. S. 22–29.

⁴ Капраль 2008: 57–66.

М. Козма ясно очертил границы деятельности ПОН: «Организация должна служить народному самоопределению, особого рода культуре и языку, без посторонних политических целей». В дальнейшем лидеры организации, помня слова М. Козмы, сами заявляли о своей аполитичности. Так, А. Ильницкий на собрании, посвященном годовщине образования ПОН, отмечал:

ПОН не занимается политикой, так как политизирование было бы причиной нежелательных последствий, оно работает лишь ради улучшения культурной и научной жизни. Цель — служить становлению собственного языка и культуры, без всяких политических целей⁵.

Цель общества в уставе формулировалась следующим образом:

Изучение географии, этнографии, истории, языка, литературы, искусства и других вопросов народной жизни Подкарпатья на научной основе, создание и распространение научного и литературного продукта на венгерском и русинском языках⁶.

Уставом была предусмотрена возможность широкого контроля деятельности организации со стороны властей. Новые члены ПОН утверждались регентским комиссаром и министром внутренних дел. Для надзора за работой ПОН, характером издаваемой печатной продукции была создана специальная Ассамблея, возглавляемая регентским комиссаром и подотчетная министру внутренних дел и министру по делам религии и образования. Если возникали подозрения в том, что ПОН занималось «антигосударственной деятельностью», несло «угрозу общественной безопасности», министр внутренних дел имел право приостановить его работу⁷.

Численность ПОН на протяжении 1941–1944 гг. не превышала 35 человек, при этом более половины членов организации являлись профессорами университетов Венгрии. Как правило, они имели русинские корни и исследовали различные аспекты истории, этнологии и фольклора Подкарпатской Руси. Характер публикаций ПОН полностью отвечал официальному курсу: позиционирование культурной

⁵ Неделя. 1943. 30 V. С. 3.

⁶ ДАЗО. Ф. 1001. Підкарпатське товариство наук, м. Ужгород Ужанської жупи. Оп. 1, Д. 8. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 8.

самобытности русинского народа, акцентирование внимания на чуждости русских и украинских духовных традиций для населения Подкарпатской Руси. Например, Ш. Бонкало в одной из статей в журнале «Заря» заявил о существовании четырех восточнославянских языков (русский, украинский, белорусский и «язык подкарпатских русинов»), которые имели общую основу, но «на протяжении столетий развивались в разных направлениях». Русский язык, на взгляд филолога, вследствие традиционной изолированности Московского княжества был сильно «засорен татаро-монгольскими заимствованиями», непонятными для русинов. Русофильские настроения интеллигенции Подкарпатской Руси в середине XIX в. Ш. Бонкало объяснял ее «оторванностью от народа», а языковые споры между русофилами и украинофилами в межвоенный период — «борьбой двух эмигрантских направлений», чуждых менталитету русинов⁸.

Согласно нормативным правовым актам (приказ премьер-министра № 6200/1939, распоряжения премьер-министра № 5800 и 18136 от 1939 г.), «на Подкарпатской территории государственными официальными языками являлись венгерский и угро-русский языки». В период венгерского господства были предприняты попытки кодификации русинского языка на основе локальных говоров. Летом 1940 г. в Унгваре издали «Граматику угро-русского языка для средних учебных заведений»⁹. Редколлегию возглавил А. Ильницкий, а предисловие к изданию написал Юлий Марина (1901–1983), поэтому в литературе часто встречается формулировка «грамматика Ю. Марины». В письме к премьер-министру Венгрии Палу Телеки (1879–1941) регентский комиссар Жигмонд Перени (1870–1946) так охарактеризовал основную задачу издания:

Грамматика, с одной стороны, остановит языковую борьбу в Подкарпатье, которая длится уже более двух десятилетий (и которую часто искусственно подогревали чешские власти), и таким образом даст русинам возможность дальше совместно развивать родной язык, с другой — поставит барьер перед отчуждающим влиянием, которое ощущалось в результате использования иностранных языков (украинского, великорусского)¹⁰.

⁸ Бонкало 1941: 58–68.

⁹ Грамматика угрорусского языка для середних учебных заведений. Унгварь: Издание Регентского Комиссарского Управления в Унгваре, 1940. 114 с.

¹⁰ Фединец, Черничко 2015: 179.

Разработчики грамматики не скрывали, что основная их цель состояла в преодолении украинофильских тенденций путем возвращения к более ранним литературным нормам с одновременным максимальным использованием локальной лексики. На деле же слабая ориентация авторов грамматики в языковой специфике Подкарпатской Руси повлекла создание продукта, не удовлетворявшего ни одну из заинтересованных сторон¹¹. Несмотря на попытки внедрения в грамматику элементов народных диалектов Подкарпатской Руси, она не сильно отличалась от грамматики русского литературного языка¹².

После назначения на должность регентского комиссара Подкарпатской территории М. Козмы работа по кодификации русинского языка активизировалась. Информационную поддержку данного мероприятия обеспечивали издания ПОН — организации, которую курировал лично М. Козма. Так, в первом издании периодического издания ПОН «Литературная неделя» отмечалась «необходимость развития народного материнского языка до степени литературного»¹³. Аналогичный материал содержал и первый номер журнала *Руська молодежь*. Со страниц издания звучал призыв всем школьникам и молодым учителям края присылать в редакцию народные песни, пословицы, поговорки. Эти материалы планировалось использовать для дальнейшей выработки литературного русинского языка¹⁴. Самым ревностным приверженцем трансформации народного языка в литературный был Г. Стрипский. Он просил помощи в составлении словаря народных говоров, обещая денежное вознаграждение жителям региона, если те пришлют в редакцию ранее неизвестные слова и выражения. Местную лексику Г. Стрипский считал основой литературного языка¹⁵.

Результатом работы ПОН стал выход в 1941 г. «Граматики руського языка» под редакцией И. Гарайды. М. Козма принял самое непосредственное участие в подготовке данной работы: им была предложена буква, которой не было ни в русском, ни в украинском алфавитах¹⁶. Предисловие к грамматике И. Гарайды было полностью выдержано в духе официального курса:

¹¹ Plishkova 2009: 62.

¹² Капраль 2000: 234–235.

¹³ Капраль 2002: 57.

¹⁴ Руська Молодежь. 1941. Ч. 1. С. 1.

¹⁵ Карпатска неделя. 1941. 16 II. С. 4.

¹⁶ Csernicskó 2013: 182.

Русинский народ теперь присоединится к своему родному милому языку и к своим преданиям и теперь, как столько раз в прошлом, душевно сольется с венгерским братским народом, который представляет западную цивилизацию, но одновременно и языки своих славянских братьев будет ценить и почитать¹⁷.

И. Гарайда подчеркивал сложность создания грамматики в регионе, где население еще не выработало четкого представления о национальной принадлежности. Цель своей работы ученый видел в создании понятного для простого народа литературного языка. Особо подчеркивалось, что данный труд стал компромиссом между многими противоречащими друг другу представлениями о народном языке, который требует развития и усовершенствования в дальнейшем¹⁸. Несмотря на некоторое приближение лексических компонентов грамматики к народным говорам, И. Гарайде и его последователям так и не удалось избавиться от влияния русского литературного языка. Об этом свидетельствует анализ произведений 1941–1944 гг., написанных в соответствии с кодифицированной нормой данной грамматики. Язык многих текстов журнала *Kárpátaljai Közlöny* («Подкарпатский вестник»), в котором публиковались законодательные акты высших органов власти Венгрии, практически не отличался от русского языка¹⁹. Ситуация осложнялась нехваткой редакторских кадров, смутным представлением многих публицистов об особенностях подкарпатских диалектов, сложной языковой ситуацией в регионе на протяжении нескольких столетий. За пять лет венгерского господства в Подкарпатской Руси не было выработано единого подхода к наименованию восточнославянского населения края и корректного перевода соответствующего этнонима на венгерский язык, хотя дискуссия по данному вопросу являлась важной составляющей национально-культурной жизни региона.

Венгерские власти не рассматривали даже лояльных общественных деятелей в качестве равноправных политических партнеров. Об этом свидетельствует отказ от создания Подкарпатской (Русинской) партии. По сообщениям органов контрразведки Венгрии, Андрей Бродий (1895–1946), известный русофильский

¹⁷ *Гарайда И.* Грамматика русского языка. Унгварь: Выдана Подкарпатского Общества Наук. Книгопечатня Юлия Фельдешия, 1941. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 6–8.

¹⁹ Фединец, Черничко 2015: 181.

политик-мадьярон, который должен был стать одним из главных функционеров данной структуры, в частных беседах отмечал, что «скорого основания партии ждать нельзя, так как многие политики желают играть в ней ведущую роль; переговоры идут постоянно, но соглашения не достигнуто»²⁰. В конце 1943 г. вопрос создания Русинской партии вновь вошел в региональную политическую повестку дня. Капитан полиции Мункача в сообщении министру внутренних дел Венгрии отметил, что данная организация являлась потенциальным источником «русино-венгерского конфликта». Служащий полиции считал, что лишь небольшая часть русинов старшего поколения была готова «вписаться в венгерскую политическую жизнь и сохранить лояльность государству». Но и они, по мнению чиновника, «находились под влиянием молодежи, особенно священников и учителей, которые непосредственно действовали против венгров»²¹.

В такой ситуации власти в конце 1943 г. попытались взять процесс создания Русинской партии под свой контроль. В качестве потенциального председателя партии, кроме А. Бродия, рассматривался также Андрей Кричфалуши-Грабарь, бывший начальник личной охраны регента Миклоша Хорти (1868–1957)²². Окончательный выбор, однако, пал на более опытного в политическом плане А. Бродия. 2 июня 1944 г. на заседании нижней палаты парламента Венгрии председатель Андраш Ташнади Надь (1882–1956) проинформировал участников о письме А. Бродия. В нем политик объявил о формировании Партии автономного народного единства русинов Подкарпатья. Было зачитано и само письмо, проникнутое пафосом единства интересов русинов и венгерского государства²³. Формирование новой партии получило одобрение парламента, однако в условиях приближающегося военного поражения Венгрии у нее не было шансов начать реальное функционирование. Уже 30 июня 1944 г. в стране была запрещена любая партийно-политическая деятельность.

²⁰ ДАЗО. Ф. 92. Ужгородське відділення контррозвідки штабу VIII-го корпусу угорських військ, м. Ужгород. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов. XIV – 70-е гг. XX в. Оп. 46. Д. 90. Л. 2.

²² Пушкаш 2006: 393–394.

²³ NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-4. Kart. 114.

Русофильское национально-культурное движение: борьба за существование в неблагоприятных условиях

Русофильские идеи с середины XIX в. пользовались большой популярностью среди интеллектуальных элит Подкарпатской Руси. В новых условиях данные тенденции рассматривались венгерскими властями через призму опасности влияния СССР. Особенность ситуации заключалась в том, что некоторые влиятельные общественные и политические деятели региона, в межвоенный период позиционировавшие себя как русофилы, в то же время активно выступали за присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии. Самыми известными из них были А. Бродий и Степан Фенцик, которым принадлежали газеты «Русская правда» (с конца 1939 г. — «Русское слово») и «Карпаторусский голос» соответственно. Несмотря на лояльность венгерским властям этих деятелей, русофильские издания имели трудности с финансированием, не пользовались поддержкой официального Будапешта. В условиях установления венгерского господства политические деятели калибра А. Бродия и С. Фенцика были вынуждены постоянно искать баланс между демонстрацией своей лояльности Будапешту и позиционированием себя в качестве «вождей» и «выразителей интересов» русинского народа.

Особое беспокойство венгерских властей вызывал С. Фенцик, позиционировавший себя сторонником фашистских идей. Сотрудник военного кабинета регента Венгрии Андраш Доболци, которому было поручено следить за Фенциком, сообщил, что видел его 12 сентября 1939 г. в обществе двух журналистов из США, выходцев из Подкарпатской Руси, которые представляли христианское направление. Как установил А. Доболци из их беседы, Фенцик намеревался создать в Подкарпатской Руси «центр русской фашистской пропаганды»²⁴. Спецслужбы также тщательно отслеживали контакты А. Бродия и его соратников. Один из приближенных русофильского лидера, Георгий Барань, в апреле 1940 г. посетил Югославию, где встречался со студентами-активистами из Подкарпатской Руси, которые, согласно отчету политического отдела полиции Будапешта, «пользовались поддержкой местных православных кругов». В частности, студент Михаил Бобуски и секретарь Югославского

²⁴ Пущкаш 2006: 320.

карпаторусского общества Александр Павлович «были настроены резко антивенгерски». Еще одним молодежным лидером являлся студент из Подкарпатской Руси Степан Реберко, вокруг которого группировались «очень воинственные молодые люди», «стоявшие на русской националистической и культурной платформе», но при этом являвшиеся приверженцами возвращения региона в состав Чехословакии. Г. Барань встретился также с бывшими русскими офицерами, которые перебрались в Югославию после Октябрьской революции²⁵. Такая бурная деятельность русофильских политиков и общественных деятелей, естественно, не могла быть позитивно оценена венгерскими властями.

Газеты А. Бродия и С. Фенцика наряду с хвалебными строками в адрес руководства Венгрии помещали критический материал, направленный против официальной национальной политики. Авторы заметок в «Карпаторусском голосе» неоднократно называли «русинизм» переходным этапом к господству радикальных проукраинских идей²⁶. Следующее метафорическое описание природы русинофильского направления являлось типичным для русскоязычных газет Подкарпатской Руси:

Паразиты, крайне вредный и враждебный элемент, которые мечтают о своей выгоде, которые занимаются братоубийственной борьбой, которые дерзко и без оснований попирают правду и тем самым вредят народу. Это — русинисты, помноженные на господ-добродеев, апостолов неньки Украины и так называемых подлизников к венгерским властям²⁷.

Резкой критике русофилов подверглись фундаментальные исторические работы Ш. Бонкало «Русины» и Тивадара Бачинского «Русско-русинские отношения в середине XIX в.»²⁸, которые служили научным обоснованием существования отдельного русинского народа. Иван Андрашко, автор развернутой рецензии на труд Ш. Бонкало, отвергал предложенную последним трактовку

²⁵ MNL OL. K 149. Polgári kori kormányhatósági levéltárak. Belügyi Miniszterium. Rezervált iratok. 1940. 214. cs. 1. t. 1940.05.13.

²⁶ Карпаторусский голос. 1939. 7 VI. С. 1–2; 28 VI. С. 1–2.

²⁷ Карпаторусский голос. 1939. 11 VI. С. 3.

²⁸ См.: *Bonkáló S. A rutének (ruszinok)*. Budapest: Franklin, [1940]; *Bacsinszky T. Orosz-ruszin kapcsolatok a 19. század közepén*. Ungvár: Kárpátaljai Tud. Társ. Ny., 1942.

русинской идентичности населения Подкарпатской Руси, которому приписывалась чуждость любых прорусских симпатий, и считал доводы слависта попыткой «доказать, что дорога, которой веками шли наши предки и на которой ныне и мы стоим — ошибочна, и попали мы на нее по одному лишь недоразумению»²⁹. Критические замечания по поводу монографии Т. Бачинского С. Фенцик представил в письме премьер-министру Венгрии Ласло Бардоши (1890–1946), датированном 10 апреля 1942 г. Оно представляло собой рецензию русофильского политика на книгу Т. Бачинского «Русско-русинские отношения в середине XIX в.». С. Фенцик считал, что монография была выполнена в духе «украинского ирредентизма и сепаратизма». По его мнению, идеи, проповедуемые Т. Бачинским, не только являлись «вредными для подкарпатских русинов», но и были чреватые восстановлением режима, схожего с режимом «Августина Волошина³⁰ и Карпатской Сечи»³¹. Кроме того, русофильская интеллигенция Подкарпатской Руси негативно оценивала попытки кодификации русинского литературного языка на основе местных говоров.

Деятельность русофильских культурно-просветительских организаций сталкивалась с серьезными препятствиями, чинимыми венгерскими властями. Так, жупан Ужанской жупы весной 1940 г. в письме министру внутренних дел Венгрии выразил свои пожелания относительно будущего функционирования влиятельной русофильской организации — «Общества имени А. Духновича»: исключение из устава всех положений, которые содержат указания о политическом, а не только культурном характере деятельности общества; недопустимость утверждения в качестве официального языка институции только «угро-русского» языка; желательность использования термина «рутен» вместо наименований «русский» или «угро-русский»³². В конечном счете традиционные для организации определения этнонимы в уставе были сохранены, однако формулировка цели соответствовала пожеланиям представителя венгерской власти:

²⁹ Русское слово. 1941. 9 III. С. 2.

³⁰ Волошин Августин Иванович (1874–1945) — политический, культурный и религиозный деятель Подкарпатья.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 66. Л. 2–3.

³² ДАЗО. Ф. 47. Наджупан Ужанської жупи, м. Ужгород. Оп. 1. Д. 66. Л. 10.

Воспитывать культурный и нравственный дух угро-русов, живущих на территории Венгрии, заботиться о братстве венгров и русских, содействовать хозяйственному и духовному развитию Подкарпатя. Политика полностью снимается с повестки дня.

Если в первоначальном варианте устава официальным языком общества значился «угро-русский», а венгерский язык был разрешен для использования на любых собраниях членов, то в окончательном варианте документа венгерский язык наравне с «угро-русским» был объявлен официальным языком организации³³. Общество продолжило работу, но уровень ее активности значительно снизился.

Менее удачно сложилась судьба организации «Школьная помощь». В межвоенный период общество оказывало содействие талантливым детям региона из небогатых семей в получении образования. В интернате для девочек в Мункаче и двух интернатах для мальчиков в Унгваре постояльцам обеспечивалось бесплатное проживание, питание, право пользования учебными принадлежностями. «Школьная помощь» имела собственную типографию, в которой регулярно печаталась литература русофильского содержания. Сразу после присоединения южной части Подкарпатской Руси к Венгрии (ноябрь 1938 г.) решением министра внутренних дел Ференца Керестеш-Фишера (1881–1948) функционирование «Школьной помощи» было приостановлено, а для изучения характера ее деятельности назначен правительственный комиссар. 26 июня 1939 г. комиссар Эрнё Малинич подготовил отчет о деятельности руководства «Школьной помощи», адресованный губернатору комитата Унг-Берег-Угоча Арпаду Шименфалви. Руководитель типографии, известный русофильский публицист, один из лидеров «Карпаторусской трудовой партии», сенатор в 1929–1939 гг. Илларион Цурканович (1878–1947, после включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии переехал в Прагу) рассматривался Э. Малиничем как наиболее последовательный выразитель чехословацких государственных интересов в крае:

Проводимая “Школьной помощью” великорусско-православная культурная политика должна была согласовываться с политикой страны. Глава типографии и редактор И. Цурканович сообщил, что созданная по инициативе лидеров “Школьной помощи”

---

³³ ДАЗО. Ф. 50. Правління культурно-просвітницького товариства ім. О. В. Духновича, м. Ужгород. Оп. 3. Д. 356. Л. 14.

“Карпаторусская трудовая партия” могла играть роль фактического православного филиала Чехословацкой национально-социалистической партии (партии Эдварда Бенеша)³⁴.

20 декабря 1939 г. в Унгваре состоялось последнее общее собрание «Школьной помощи», участие в котором приняли оставшиеся в Подкарпатской Руси члены организации. Среди них были депутаты нижней и верхней палат венгерского парламента (Владимир Гомичко и Иосиф Каминский соответственно). Венгерскую администрацию от имени и по поручению унгарского градоначальника Эмиля Пелчарски представлял главный городской судья Теодор Ортутай. Он выразил пожелание, чтобы «работа организации отвечала венгерским святостефанским интересам». Выступавшие на общем собрании члены «Школьной помощи» декларировали свое недовольство фактическим блокированием деятельности организации, предпринятым властями. Секретарь Андрей Васильев крайне негативно оценил приостановку функционирования интернатов. Секретарь не смог предоставить подробный отчет об имуществе организации, так как доступ к документам имел лишь комиссар Э. Малинич. Андрей Гагатко заявил, что организация всегда ставила перед собой исключительно культурные цели и не планировала впредь изменять своим принципам. Он же предложил членам правления «Школьной помощи» переработать устав организации в соответствии с венгерским законодательством. Петр Сова выразил надежду на то, что чрезмерный надзор властей над деятельностью организации будет ослаблен. Однако призывы актива «Школьной помощи» фактически не имели адресата, так как представители местной администрации проигнорировали общее собрание. Закрывая мероприятие, длившееся чуть более полутора часов, И. Каминский с сожалением отметил, что регентский комиссар (на тот момент данный пост занимал Ж. Перени), хотя и был проинформирован о времени и месте проведения общего собрания, на него не явился³⁵. В конечном счете имущество ликвидированной «Школьной помощи» было передано в распоряжение ПОН³⁶.

Из многочисленных русофильских партийных организаций, действовавших в Подкарпатской Руси в межвоенный период, после

³⁴ ДАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 159–161.

³⁵ MNL OL. K 150. Polgári kori kormányhatósági levéltárak. Belügyi Ministerium. Általános iratok. 1942. 6191. cs. 5. t. 1939.12.21.

³⁶ MNL OL. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1941.05.15.

событий марта 1939 г. работу продолжили лишь Автономный земледельческий союз (АЗС, лидер — А. Бродий) и Русская национально-автономная народная партия (РНАНП, лидер — С. Фенцик), которые традиционно считались провенгерскими. Властям удалось внести раскол в деятельность данных структур. Они добились лояльности видных деятелей АЗС Михаила Демко и Ю. Марины, у которых были напряженные отношения с А. Бродием, требовавшим от властей обещанной широкой автономии для региона. 18 июня 1939 г. в здании кинотеатра Хуста прошел съезд партии, на котором от части делегатов была зачитана листовка со следующими словами: «Мы, которые до сих пор работали вместе с Бродием, пришли к выводу, что русинам не автономия нужна, а хлеб и поп. Русины всегда жили в мире и имели хлеб и на себя, и на попа»³⁷. Однако Будапешт, несмотря на предпринятые меры, не сумел полностью исключить влияние А. Бродия и его единомышленников на политический ландшафт региона. Так, в парламенте Венгрии именно кооптированные депутаты из числа членов АЗС отличались наиболее радикальными и резонансными выступлениями.

Работа Будапешта по расколу и маргинализации РНАНП прошла значительно более успешно, чем в случае с АЗС. Уже к лету 1939 г. часть членов РНАНП склонялись к сотрудничеству с Германией, а сам С. Фенцик обратился за помощью в польское консульство в Ужгороде. Он просил польского дипломата назвать пронемецких членов партии, которых затем следовало исключить из ее рядов³⁸. После событий сентября 1939 г. С. Фенцик утратил в лице польского консула своего деятельного покровителя, что обусловило дальнейшее ослабление позиций партии. В период 1939–1941 гг. она дважды меняла свое название («Угро-русская национальная партия», «Карпаторусская партия»). Многие ее лидеры, оставаясь приверженцами русофильских идей, в то же время в политических вопросах выражали лояльность курсу правительства и провластной «Венгерской партии жизни»³⁹. Некоторые представители верхушки партии, однако, вели переговоры о сотрудничестве с праворадикальной «Партией скрещенных стрел» Ф. Салаши⁴⁰.

³⁷ Пушкаш 2006: 323–324.

³⁸ Домбровский 2012: 353.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 64. Л. 2.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 56. Л. 22.

С началом венгерского господства выкристаллизовывалось и набирало силу особое течение русофильского лагеря, приверженцы которого ориентировались на СССР, видя в нем главный оплот общерусских, общеславянских идей. Особенно сильными данные настроения стали после коренного перелома в ходе Второй мировой войны, когда присоединение региона к СССР представлялось реально возможным. Таким образом, феномен «просоветского русофильства» отображал сочетание традиционных русофильских идеалов и романтизированных представлений о советском строе. Группа молодых русофилов просоветского течения сформировала свои литературные школы в Ужгороде, Мукачево, Хусте, издала шесть литературных альманахов. Среди наиболее успешных писателей данного идеологического лагеря следует отметить Георгия Керчу (псевдонимы: Тая Верховинка, ГИК, В. Горемыка, В. Горькоуст), Юрия Гойду (псевдоним — Карпатский), Василия Сочку (псевдоним — Боржавин), Кирилла Галаса (псевдонимы — Красин, Вершан), Моисея Шпицера (псевдонимы: Вершинский, Беспризорный) и др. Авторы, произведения которых выходили на страницах официальных изданий в военное время, не могли явно указывать свою приверженность идеям воссоединения с СССР, поэтому в работах чаще использовали символические образы⁴¹. Русофильские идеи многих представителей молодого поколения интеллигенции Подкарпатской Руси вкупе с их ориентацией на СССР представляли самую серьезную угрозу для венгерских властей. Вследствие этого просоветское крыло русофильской интеллигенции имело намного меньше возможностей для деятельности, чем условно лояльные режиму организации и отдельные личности. Тем не менее их творчество представляет собой интересную страницу истории региона.

Ослабление и маргинализация украинофильского национально-культурного движения

Наиболее ощутимым установление венгерской власти в Подкарпатской Руси оказалось для представителей украинофильского идеологического крыла. Многие проукраински настроенные интеллигенты, проявившие активность в период работы автономного кабинета

---

⁴¹ Magocsi 1978: 154.

А. Волошина (октябрь 1938 — март 1939 г.), вынуждены были покинуть край (в основном они уезжали в Прагу и Братиславу). Некоторые украинофилы в неблагоприятных условиях венгерского режима сумели найти способ выражения своих идей. Издания украинофильских авторов, получавших одобрение цензуры, как правило, представляли собой публикации фольклорно-этнографического материала, в которых отсутствовал любой намек на использование языкового вопроса в политических целях. Например, Владимир Пипаш смог издать в Тячеве сборник народных песен на языке, приближенном к литературному украинскому языку. При этом он был вынужден на обложке сборника сделать пометку о «гуцульском наречии» работы, а также «посвятить» ее литературной секции ПОН. Несколько работ подобного содержания были изданы умеренным украинофилом Михаилом Попадичем. Интересно, что многие приверженцы официального курса, в том числе, например, И. Гарайда, позитивно встретили выход этих сборников⁴². Очевидно, власти не усматривали какой-то серьезной угрозы в литературе подобного рода. Кроме того, приверженцы кодификации русинского языка часто имели довольно туманные представления о диалектных особенностях края, поэтому действительно могли принять украинофильские издания за очередную попытку литературной обработки местных говоров.

В то же время венгерские органы безопасности пресекали всякие проявления со стороны украинофилов политической активности, замаскированной под научно-просветительскую работу. Так, житель Хуста Федор Ревай в июле 1941 г. просил у городских властей разрешения на выпуск календаря на украинском языке, однако вскоре был задержан сотрудниками местного отделения полиции «за антивенгерские выступления». При обыске у него были обнаружены письма, в которых шла речь о «присоединении Подкарпатья к Великой Украине», а также книги на немецком языке, в которых регион был отмечен как «часть независимой Великой Украины». Полицейские органы фиксировали также проявления украинских симпатий на бытовом уровне. Известный украинофил, бывший активист «Карпатской Сечи» Дмитрий Климпущ на одном из торжеств, устроенных в его доме в селе Ясиня, поднял тост «за украинско-венгерскую дружбу». Участвовавший в застолье лесник мадярофильских взглядов

---

⁴² Пипаш 2010.

заявил, что «пьет за русинско-венгерскую, а не за украинско-венгерскую дружбу», чем спровоцировал конфликт с Д. Климушем⁴³.

Некоторая часть украинофильской интеллигенции, отказавшись от политической риторики и продемонстрировав лояльность венгерскому режиму, через сотрудничество с ПОН объективно содействовала развитию и обогащению духовной культуры края. Среди умеренных украинофилов, регулярно публиковавшихся в изданиях ПОН, можно отметить Луку Демьяна, Юрия Керекеша, Александра Маркуша, Федора Потушняка и др.⁴⁴ По точному замечанию Николая Мушинки, поколение писателей с подобными взглядами после присоединения Подкарпатской Руси к СССР органично влилось в советскую украинскую литературу⁴⁵.

В августе 1941 г. в Хусте состоялась встреча руководства ПОН с интеллигенцией края, в которой приняли участие многие украинофильские деятели: Юрий Брацайко, Дмитрий Бандусяк, Андрей Ворон⁴⁶. Для активных проводников официального национального курса украинофильски настроенные интеллигенты, которые не имели политических амбиций, могли выступать в качестве союзников в борьбе против традиционно сильного влияния русофилов. Известно, что И. Гарайда, например, симпатизировал деятельности Ф. Потушняка, в письмах к нему прямо заявлял о поддержке его литературного творчества как эффективного противовеса публицистике на русском языке⁴⁷.

Венгерские власти сумели полностью пресечь политическую активность представителей украинофильского направления. Была запрещена деятельность крупнейшей украинофильской организации межвоенного периода — общества «Просвита». Украинофилы, в отличие от русофилов, не были кооптированы в венгерский парламент. В 1942 г. были арестованы несколько сотен членов ОУН, после чего деятельность украинского националистического подполья (незначительная и до этого времени) на территории Подкарпатской Руси фактически сошла на нет⁴⁸.

⁴³ MNL OL. K 149. 1942. 251. cs. 6. t. 1942. 11. 03.

⁴⁴ Галас 2011: 5.

⁴⁵ Мушинка 1995: 49.

⁴⁶ Падык 2000: 193.

⁴⁷ Тиводар 2005: 96–97.

⁴⁸ Казак 2017: 113–120.

Заключение

Проводимый в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. национальный курс предполагал сознательное культивирование официальными идеологами в среде восточнославянского населения края локальной русинской идентичности, которая имела отчетливую антирусскую и антиукраинскую направленность. Популистски декларируя приоритет социального благополучия русинов (при имевшем место в реальности постоянном ухудшении экономической ситуации в регионе) над какой-либо политической активностью, разработчики курса стремились оградить жителей края от поддержки конкурентных национальных проектов, выработать у них лояльное отношение к венгерскому государству. Разработчики национально-культурной политики в Подкарпатской Руси не без оснований полагали, что огражденные от влияний уже сложившихся мощных интеллектуальных традиций (русофильской и украинофильской) русинские культурные формы не будут привлекательны для восточнославянских жителей региона, в результате чего начнется процесс их добровольной мадьяризации как интеграции в социокультурное пространство Венгрии. Характер образовательной и воспитательной работы с детьми и молодежью Подкарпатской Руси в официальных учреждениях края наглядно иллюстрирует данный тезис. Разработчики национально-культурной политики в регионе намеренно ограничивали развитие русинской культурной традиции «низкими», фольклорными формами.

Венгерские власти рассматривали приверженцев русофильских и украинофильских идей как неблагонадежный элемент, однако прибегали к тактическому сотрудничеству с их умеренными представителями. При этом Будапешту было важно не допустить чрезмерного усиления ни русофилов, ни украинофилов. Русофилы, группировавшиеся вокруг А. Бродия и С. Фенцика, продолжали традиционное позиционирование себя в качестве патриотов венгерского государства, однако не принимали курс Будапешта на навязывание населению Подкарпатской Руси локальной формы русинской идентичности, считали приобщение жителей края к общерусскому духовному наследию естественным путем к его развитию. Для ограничения влияния русофилов на настроения жителей региона разработчики национальной политики привлекали к работе в провластных культурно-просветительских

институциях умеренных украинофилов в случае отсутствия у них политических амбиций, отказа от открытого проявления симпатий идее независимого украинского государства. Лишенное политической окраски украинофильское направление интеллектуальной мысли Подкарпатской Руси фактически не имело программных установок, отличавших его от лагеря сторонников «русинизма». В таких условиях традиционные постулаты украинофилов (декларирование украинской этнической принадлежности восточнославянского населения Подкарпатской Руси, острая критика сторонников русофильской и русинофильской национально-языковых ориентаций, пропаганда идеи создания «Соборной Украины») озвучивались исключительно в среде эмигрантов, покинувших регион в марте 1939 г.

В годы Второй мировой войны русинский вопрос оставался в поле внимания заинтересованных сторон (СССР, независимой Словакии, правительства Чехословакии в эмиграции и др.). Например, словацкая пропаганда утверждала, что абсолютное большинство греко-католического населения востока страны являлось словаками, а не русинами. Крайне «малочисленный» русинский элемент изображался в качестве дружественного словакам народа, верного идеям словацкой государственности. Власти соседней Венгрии обвинялись в попытках «разыграть русинскую карту», то есть навязать населению Восточной Словакии ложное видение русинской проблемы. Столь стереотипная картина, безусловно, не раскрывала всей сложности русинского вопроса⁴⁹.

Идеологическая политика властей многонациональных государств, направленная на отвлечение внимания интеллигенции от опасных для официального курса «широких» национальных проектов путем культивирования местных духовных ценностей, не была изобретением хортистской Венгрии. В частности, власти межвоенной Польши также не исключали возможности поддержки локальных форм идентичности жителей отдельных регионов, впрочем, данный процесс рассматривался лишь как переходный этап на пути к полонизации населения. Характерным примером подобной политики регионализма является деятельность польской администрации в Полесском воеводстве⁵⁰.

⁴⁹ Казак 2016: 180–181.

⁵⁰ Казак 2015: 139–142.

В настоящий момент русины как самостоятельный этнос признаны в большинстве стран, в которых они компактно проживают. Широкие культурные и лингвистические права имеют русины Словакии и Сербии. Официальный Киев не признает русинов отдельным народом и трактует их в качестве этнографической группы украинцев. Данная формулировка была отражена в опубликованных результатах переписи населения 2001 г., согласно которой русинами себя считают 10 200 жителей Закарпатской области Украины (активисты русинского движения заявляют о недостоверности результатов переписи). Русинский фактор в той или иной мере продолжает оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства Центральной и Восточной Европы.

Список исторических географических названий

Мункач — ныне Мукачево (Украина)

Унгвар — ныне Ужгород (Украина)

Список сокращений

АЗС — Автономный земледельческий союз

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ДАЗО — Державний архів Закарпатської області, Ужгород

ОУН — Организация украинских националистов

ПОН — Подкарпатское общество наук

РНАНП — Русская национально-автономная народная партия

NAČR — Národní archiv České Republiky, Praha

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Литература

Бонкало 1941 — *Бонкало А.* Руський літературний языкъ / A ruszin irodalmi nyelv // Зоря — Najnal. Часопись Подкарпатского общества наукъ. 1941. Ч. 1–2. С. 54–71.

Галас 2011 — *Галас В. Б.* «Грамматика русского языка» І. Гарайди і проблема етнічного самоствердження закарпатських українців // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка, 2011. С. 148–157.

Домбровський 2012 — *Домбровський Д.* Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 391 с.

- Казак 2015 — *Казак А.* Падтрымка лакальнай ідэнтычнасці ў Цэнтральнай Еўропе (палітыка Польшчы на Палессі ў міжваенны перыяд і Венгрыі ў Падкарпацкай Русі ў 1939–1944 гадах) // Чацвёрты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. Коўна: Vytautas Magnus University Press, 2015. С. 139–142.
- Казак 2016 — *Казак О.Г.* Русинский вопрос в оценках прешовской газеты «Словацкая свобода» (1939–1944 гг.) // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4. С. 176–182.
- Казак 2017 — *Казак О.Г.* Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017. 182 с. (рукопись).
- Капраль 2000 — *Капраль М.* Нова недела // Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця. Ужгород: Ужгородський державний ун-т, 2000. С. 234–240.
- Капраль 2002 — *Капраль М.* Пудкарпатське общество наук. Публікації: 1941–1944. Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшай Школи, 2002. 170 с.
- Капраль 2008 — *Капраль М.* Русинський дайджест 1939–1944. Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшай Школи, 2008. Т. 2. Красное писемство. 240 с.
- Мушинка 1995 — *Мушинка М.* «Світлий дух Угорської Русі»: До 120-ліття з дня народження Гядора Стрипського // Карпатський край. 1995. № 1–4. С. 45–50.
- Падяк 2000 — *Падяк В.* Трагічна доля фундаментальної бібліографічної праці Підкарпаття: огляд віднайдених архівних матеріалів // Загальна бібліографія Підкарпаття (з додатками). Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2000. С. 187–212.
- Піпаш 2010 — *Піпаш В.* Видання українською мовою в умовах угорської окупації Закарпаття (1939–1944 рр.) // Слово Просвіти. URL: <http://slovo-prosvity.org/2010/05/27/tvoia-knyzhka-pidzhyvyla-nashi-sertsia> (дата обращения: 30.03.2021).
- Пушкаш 2006 — *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.
- Тиводар 2005 — *Тиводар М.П.* Життя і наукові пошуки Федора Потушняка. Ужгород: Гражда, 2005. 284 с.
- Фединец, Черничко 2015 — *Фединец Ч., Черничко С.* Некоторые аспекты языковой политики Венгерского Королевства в отношении Подкарпатской территории (Закарпатье) в 1939–1944 гг. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 172–185.
- Шевченко 2011 — *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. 414 с.
- Csernicskó 2013 — *Csernicskó I.* Államok, nyelvek, államnyelvek. Nyelvpolitila a mai Kárpátalja területén (1867–2010). Budapest: Gondolat Kiadó, 2013. 575. old.

- Magocsi 1978 — *Magocsi P. R.* The shaping of a national identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 640 p.
- Plishkova 2009 — *Plishkova A.* Language and national identity: Rusyns south of Carpathians. New York: Columbia University Press, 2009. 230 p.

References

- Bonkalo, A., 1941. Rus'kii literaturnyi iazyk / A ruszin irodalmi nyelv [Russian literary language]. *Zoria — Hajnal. Chasopys Podkarpatskoho obshchestva nauk*, 1–2, pp. 54–71. (in Rusyn)
- Csernicskó, I., 2013. *Államok, nyelvek, államnyelvek. Nyelvpolitika a mai Kárpátalja területén (1867–2010)*. Budapest: Gondolat Kiadó, 575. old.
- Dombrows'kyi, D., 2012. *Pol'shcha i Zakarpattia: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora, 391 p. (in Ukr.)
- Fedinets, Ch., Chernichko, S., 2015. Nekotorye aspekty iazykovoi politiki Vengerskogo korolevstva v otnoshenii Podkarpatskoi territorii (Zakarpat'ia) v 1939–1944 gg. [Some aspects of the language policy of the Kingdom of Hungary in Transcarpathia in 1939–1944]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 172–185. (in Rus.)
- Halas, V. B., 2011. “Hrammatyka rus'koho iazyka” I. Haraidy i problema etnychnoho samostverzhennia zakarpats'kykh ukraintsiv [“Grammar of the Russian language” by I. Garayda and the problem of ethnic identity of Transcarpathian Ukrainians]. In: *Aktual'ni problemy ukraïns'koï linhvistyky: teoriia i praktyka*. Kyiv: Kyïvs'kyï natsional'nyi universytet imeni Tarasa Shevchenka, pp. 148–157. (in Ukr.)
- Kapral', M., 2000. Nova nedelia [New Sunday]. In: *Iuvileinyi zbirnyk na chest 70-richchia vid dnia narodzhennia profesora Petra Lyzantsia*. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi derzhavnyi universytet, pp. 234–240. (in Ukr.)
- Kapral', M., 2002. *Podkarpats'koe obshchestvo nauk. Pablykatsii: 1941–1944* [Subcarpathian Society of Sciences. Publications 1941–1944]. Nyiregyhaza: Katedra ukraïns'kui i rusyns'kui filologii Nired'haz'kui Vysshui Shkoly, 170 p. (in Rusyn)
- Kapral', M., 2008. *Rusyns'kyi daidzhest 1939–1944, 2, Krasnoie pysemstvo* [Rusyn digest, vol. 2, Fiction]. Nyiregyhaza: Katedra ukraïns'kui i rusyns'kui filologii Nired'haz'kui Vysshui Shkoly, 240 p. (in Rusyn)
- Kazak, A., 2015. Padtrymka lakal'nai identychnasti ũ Tsentral'nai Europe (palityka Pol'shchy na Palessi u mizhvaenny peryiad i Venhryi u Padkarpatskai Rusi u 1939–1944 hadakh) [Support of local identity in Central Europe (the policies of Poland in Polesie in the Interwar period and the policies of Hungary in Subcarpathian Rus' in 1939–1944)]. In: *Hatsviorty Mizhmarodny Kanhres dasledchykau Belarusi*. Kounas: Vytautas Magnus University Press, pp. 139–142. (in Belarus)

- Kazak, O. G., 2016. Rusinskii vopros v otsenkakh preshovskoi gazety "Slovatskaia svoboda" (1939–1944 gg.) [Rusyn issue by estimate of the Prešov newspaper "Slovak liberty" (1939–1944)]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 176–182. (in Rus.)
- Kazak, O. G., 2017. *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavianskogo naseleniia Podkarpatskoi Rusi v usloviakh vengerskoi okkupatsii (1939–1944 gg.): dis. ... kand.ist.nauk* [Ethnocultural development of the Eastern Slavic population of the Subcarpathian Rus' under the Hungarian occupation (1939–1944). PhD thesis]. Minsk, 182 p. (manuscript). (in Rus.)
- Magocsi, P. R., 1978. *The shaping of a national identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 640 p.
- Mushynka, M., 1995. "Svitlyi dukh Uhors'koï Rusi": Do 120-littia z dnia narodzhennia Hiiadora Stryps'koho ["The bright spirit of Hungarian Rus": To the 120th anniversary of the birth of Giador Strypsky]. *Karpats'kyi krai*, 1–4, pp. 45–50. (in Ukr.)
- Padiak, V., 2000. Trahichna dolia fundamental'noi bibliografichnoi pratsi Pydkarpattia: ohliad vidnaidenykh arkhivnykh materialiv [The tragic fate of the fundamental bibliographic work of Subcarpathia: a review of the found archival materials]. In: *Zahal'na bibliografiia Podkarpattia (z dodatkami)*. Uzhhorod: Vydavnytstvo V. Padiaka, pp. 187–212. (in Ukr.)
- Pipash, V., 2010. Vydannia ukrains'koiu movoiu v umovakh uhors'koï okupatsiï Zakarpattia (1939–1944 rr.) [Publications in the Ukrainian language under the conditions of the Hungarian occupation of Transcarpathia (1939–1944)]. In: *Slovo Prosvity*. URL: <http://slovoprosvity.org/2010/05/27/tvoia-knyzhka-pidzhyvyala-nashi-sertsia//> (accessed: 30.03.2021). (in Ukr.)
- Plishkova, A., 2009. *Language and national identity: Rusyns South of Carpathians*. New York: Columbia University Press, 230 p.
- Pushkash, A. I., 2006. *Tsivilizatsiia ili varvarstvo: Zakarpat'e v 1918–1945 gg.* [Civilisation or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa, 564 p. (in Rus.)
- Shevchenko, K. V., 2011. *Slavianskaia Atlantida. Karpatskaia Rus' i rusiny v 19 – pervoi polovine 20 v.* [Slavic Atlantis. Carpathian Rus and Rusyns in the nineteenth and the first half of the twentieth century]. Moscow: Regnum, 414 p. (in Rus.)
- Tyvodar, M. P., 2005. *Zhyttia i naukovi poshuky Fedora Potushniaka* [Life and scholarly searches of Fyodor Potushnyak]. Uzhgorod: Grazhda, 284 p. (in Ukr.)

Oleg G. Kazak

PhD, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University, Republic of Belarus, Minsk. 20056, Partizanskii pr., 26. E-mail: olegkazak90@tut.by

National-Cultural Movements of the East Slavic Population of Subcarpathian Rus' in the Context of Hungarian Policy (1938–1944)

The purpose of work is detection of specifics of various models of ethnocultural identity of the Eastern Slavic population of the Subcarpathian Rus' in 1939–1944 and their interferences in the context of policy of the Hungarian authorities in the region. The methods of the research were general scientific and special historical methods: historical comparative, historical typological, historical systematic, method of historical retrospection, content analysis. The research result was disclosing assumptions and characteristics of the ethnocultural policy of Budapest in Subcarpathian Rus', the reconstruction of the mechanisms of adaptation of various ethnocultural trends representatives (Russophiles, Ukrainophiles, Rusynophiles) to the existing conditions of social life in the region. The scientific novelty of the research is determined by the fact that on the basis of a wide range of archive documents of the various states and published sources, scholarly literature (including in Hungarian) was conducted a systematic study of the ethnocultural engineering of official Budapest in relation to the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus'. The results can be used for further studies of various aspects of social and national-cultural life of Subcarpathian Rus', as well as for comparative analysis of political processes in Central Europe. The main provisions, the theoretical findings and the factual material, which contained in article, can be used for the writing of complex scientific works on national processes in Central and Eastern Europe in the twentieth century, courses of lectures on general history of the Contemporary period, special courses on the history of Hungary and Ukraine. The study results give recommendations to research institutions and educational institutions, leading research in the field of Hungarian studies and Rusyns studies.

Keywords: Rusyns, ethnocultural engineering, identity, Russophiles, Ukrainophiles, Rusynophiles, Regency Commissar

How to quote: Kazak, O. G., 2021. Natsional'no-kul'turnye dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Podkarpatskoi Rusi v kontekste politiki Vengrii (1938–1944). *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 301–327. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.12.